8—143

ПОТУГИ

литературнаго сепаратизма.

КІЕВЪ.
Тип. И. П. Кушнерева и К° Елисаветинск. ул. д. Михельсона.
1883

8
143

ПОТУГИ

литературнаго сепаратизма.

КІЕВЪ.
Тип. И. Н. Кушнерева и К° Елисаветинск. ул. д. Михельсона
1883 г.

Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР
1342908 VV

Потуги литературнаго сепаратизма.

Въ основѣ украинофильства, какъ извѣстно лежитъ литературный, языковой сепаратизмъ, стремящійся къ обособленію малорусскаго нарѣчія и къ превращенію его путемъ обработки въ самостоятельный литературный языкъ, долженствующій вытѣснить въ южной и юго-западной Россіи русскій языкъ. Какое значеніе, общественное и политическое имѣетъ и можетъ имѣть такой сепаратизмъ въ области языка и изъ какихъ побужденій онъ возникъ, мы здѣсь подробно разбирать не будемъ, такъ какъ говорили объ этомъ не разъ, а приведемъ лишь прекрасныя слова извѣстнаго филолога А. И. Иванова, вполнѣ компетентнаго судьи въ вопросахъ этого рода:

„Однимъ изъ величайшихъ событій въ жизни какого-либо племени, гово-

ритъ г. Ивановъ, бываетъ появленіе письменности, важнѣйшимъ продуктомъ народнаго развитія—литературный языкъ, этотъ органъ всѣхъ духовныхъ функцій, всего умственнаго быта народа, усваиваемый сызмала всѣми, принимающими какое бы то ни было участіе въ культурной жизни страны".

„Языкъ въ такой степени представляетъ собою народную личность, что по старо-славянски и народъ называется *языкомъ*".

„Въ литературномъ языкѣ главная и самая мощная скрѣпа исторической формы народа, какъ политической семьи, т. е. какъ государства. Сознавъ себя единымъ и противопоставляя себя другимъ національнымъ величинамъ, народъ дѣлитъ сообща горе и радости (хотя бы то и другое касалось непосредственно лишь одной части его), имѣетъ однихъ и тѣхъ-же друзей и враговъ, одни и тѣ-же общенаціональные интересы и одушевляется къ под-

вигамъ и подвигами въ мирѣ и на войнѣ".

„Можетъ существовать, правда, государство и безъ единства языка, что видимъ, напримѣръ въ Австріи, Швейцаріи, Турціи, древне-персидской монархіи; но это значитъ только, что языкъ есть не единственная скрѣпляющая сила, такъ что иногда совокупность другихъ силъ, интересовъ и внутреннихъ или внѣшнихъ обстоятельствъ бываетъ столь значительна, что кое-какъ замѣняетъ ее въ политической жизни. Однако связь, не обусловленная языкомъ, всегда бываетъ какою-то искусственною, неестественною и обыкновенно непрочною; эта связь скорѣе механичная, чѣмъ внутренняя, она неорганична и безплодна".

„Обыкновенно единство національное, обусловливаемое прежде всего единствомъ письменнаго языка, ведетъ и къ государственному объединенію политически-разрозненныхъ частей племени. Что сплотило въ единое цѣлое

многочисленныя и часто враждовавшія между собою государства нѣмцевъ или италіянцевъ? Чему, какъ не единству языка, наиболѣе обязана и наша Русь соединеніемъ въ громадный политическій организмъ? *Языкъ есть верховный стражъ ея національной и государственной цѣлостности*".

Исторія представляетъ собою зрѣлище объединенія языковъ и поглощенія множества мелкихъ языковъ и нарѣчій крупными литературными языками.

„Потоки и ручьи, замѣчаетъ г. Ивановъ, сливаются въ рѣчки и рѣки, которыя часто соединяются въ одну болѣе или менѣе могучую рѣку, принимающую на своемъ пути множество притоковъ. Сколь выгодно и важно для человѣчества подобнаго рода объединеніе, столь зловредно его дробленіе и столь-же безумны должны быть попытки уничтожить единство тамъ, гдѣ оно установилось, особенно тамъ, гдѣ выработалась рѣка дѣйствительно

широкая и могучая, дѣйствительно драгоцѣнная. Такая работа столь безумна, столь варварска и трудна, что можетъ быть предпринята только или по необдуманности („не вѣдятъ, что творятъ“), или сумасбродству, или изъ вражды къ народу, или изъ личныхъ цѣлей, а потому и встрѣчается чрезвычайно рѣдко въ исторіи рода человѣческаго, какъ необыкновенный куріозъ: это—*радикальная* потуга двигать исторію *ретроградным*ъ ходомъ“.

Такой ретроградный радикализмъ представляетъ изъ себя украинофильство, хотя адепты его, натуживаясь всѣмъ силами потянуть исторію *назадъ*, наивно считаютъ себя представителями прогрессивнаго движенія и уповаютъ, что будущее принадлежитъ не единому русскому языку великой и единой Россіи, не языку, созданному соединенными силами и вѣковой работой сѣверянъ и южанъ, мощными талантами великороссовъ, малороссовъ и бѣлоруссовъ, не языку Ломоносова и

Ѳеоѳана Прокоповича, Пушкина и Гоголя, а нарѣчіямъ и говорамъ крестьянъ изъ подъ Гадяча и Старокон-стантинова, Шклова и Мглина, Щигрова и Царевоковшайска.

Мы никогда не вѣрили и не вѣримъ, чтобы эти потуги увѣнчались успѣхомъ, но проповѣдь литературнаго и національнаго раскола принесла уже не мало вреда и можетъ принести его еще болѣе въ будущемъ, порождая вражду тамъ, гдѣ должно царить согласіе и вызывая борьбу, гдѣ требуется дружная работа. Украинофильство нельзя уподоблять другимъ провинціализмамъ, потому что оно возникло при исключительныхъ политическихъ условіяхъ. Еслибы украинофильство существовало только въ мѣстностяхъ, сплошь населенныхъ малороссами, съ малорусской интеллигенціей во главѣ, какъ напр. въ полтавской губерніи, то на него можно было бы не обращать вниманія. Украинофильскіе кружки съ сепаратистическимъ оттѣн-

комъ встрѣтили бы подавляющее противодѣйствіе въ массѣ малорусской же интеллигенціи и не имѣли бы значенія, да и самая украинофильская доктрина, вѣроятно, не получила бы враждебнаго Россіи направленія. Таково дѣйствительно и было первоначальное невинное полтавское украинофильство Гоголя—отца, Котляревскаго, Квитки, Максимовича и др. Но въ юго-западномъ краѣ положеніе вещей совершенно иное.

Здѣсь немногочисленной русской интеллигенціи приходится отстаивать край отъ напора полонизма, потому всякій раздоръ сильно ее ослабляетъ. Эта интеллигенція состоящая, по преимуществу изъ мѣстныхъ уроженцевъ, малороссовъ, разбилась на два лагеря и тратитъ силы въ междуусобицѣ, вмѣсто того, чтобы дружно бороться съ польскими притязаніями и покончить навсегда съ ними. Для поляковъ раздоръ въ лагерѣ русской интеллигенціи былъ бы пріятенъ во всякомъ случаѣ, изъ

какихъ бы поводовъ онъ не возникалъ, но, конечно, имъ *въ особенности* пріятно, что яблокомъ раздора является украинофильство, стремящееся обособить край въ культурномъ и національномъ отношеніи отъ остальной Россіи. Всякое такое обособленіе для поляковъ выгодно, и они охотно готовы поддерживать до поры до времени украинофильскія стремленія. Такъ они поступали всегда въ Галиціи, той же системы они держатся и въ зап. краѣ. Несомнѣнно, что междуусобица, вызванная украинофильствомъ среди русской интеллигенціи, принесла уже много вреда, задерживая расположеніе края и тормозя всякую культурную работу, но этотъ вредъ былъ бы неизмѣримо больше, еслибы украинофиламъ удалось занять тѣ позиціи, которыхъ они добиваются.

Какъ извѣстно, украинфилы не ограничиваясь оригинальными „творами“ и „перекладами“, назначенными для будущей малорусской интел-

лигенціи (когда эта послѣдняя позабудетъ русскій литературный языкъ и станетъ предпочитать „переклады“ г. Старицкаго чуднымъ строфамъ Пушкина, Лермонтова, Жуковскаго)— неустанно работаютъ надъ тѣмъ, чтобы вытѣснить литературный русскій языкъ изъ школы и замѣнить его малорусскимъ нарѣчіемъ. Если „творы“ и „переклады“ могутъ вызвать по большей части только улыбку, то вопросъ о школьномъ языкѣ наоборотъ представляется вопросомъ первостепенной важности. Тутъ шутить никакъ не приходится, въ особенности, если принять во вниманіе, что было время, когда украинфильская программа встрѣчала большое сочуствіе въ министерствѣ народнаго просвѣщенія (министерство г. Головнина) и что еще недавно украинофиламъ удалось поднять сочуственную ихъ планамъ агитацію въ нѣкоторыхъ земствахъ.

Намъ приходилось не разъ выска-

зывать свое мнѣніе по этому вопросу и разбирать тѣ мотивы, которыми украинофилы обставляютъ свои притязанія на школу, поэтому мы приведемъ здѣсь лишь вкратцѣ основныя положенія.

Украинофилы утверждаютъ, что обученіе въ сельскихъ школахъ южной Россіи необходимо вести на малорусскомъ нарѣчіи потому, что крестьяне якобы совершенно не понимаютъ русскаго языка. Въ подтвержденіе этого приводится нѣсколько фразъ, составленныхъ изъ малорусскихъ словъ, отличающихся своей оригинальностью. Мы доказывали, что это увѣреніе ложное, такъ какъ малорусское нарѣчіе настолько близко къ русскому языку, что дѣти безъ труда поймутъ и элементарную книжку, и объясненія учителя, а учителю весьма легко приспособиться къ мѣстному говору. Малороссы изъ простонародья всегда объясняются съ великороссами безъ переводчиковъ и отлично понимаютъ

другъ друга, а составленіе малопонятныхъ фразъ ничего не доказываетъ, такъ какъ изъ новгородскаго или вятскаго нарѣчія можно составить нѣсколько такихъ же фразъ, которыхъ не поймете великороссъ изъ другой мѣстности.

Далѣе нѣкоторые украинофилы увѣряютъ, что они желаютъ только *начинать* обученіе на малорусскомъ нарѣчіи, чтобы облегчить переходъ къ русскому языку.

Въ искренность этихъ увѣреній весьма трудно повѣрить, въ виду весьма ясно выраженнаго желанія разрабатывать малорусское нарѣчіе, какъ самостоятельный литературный языкъ и стремленія дать ему совершенно самостоятельное положеніе, какъ языку науки, искусства и литературы. Но если даже проникнуться легковѣріемъ и признать искренность украинофильскихъ заявленій, то придется сказать, что рекомендуемый пріемъ оказывается, въ 1-хъ, лишнимъ, вслѣдствіе

близости языка, во 2-хъ, вреднымъ, такъ какъ дѣтей легче выучить прямо русской грамотѣ т. е. правильному русскому чтенію и письму, нежели переучивать ихъ, начавъ обученіе на мѣстномъ просторѣчіи. Такое переучиваніе есть самый нелѣпый и тягостный педагогическій пріемъ, котораго ни одинъ разумный педагогъ одобрить не можетъ.

Эти положенія мы доказывали въ „Кіевлянинѣ“ фактически, посредствомъ разбора разныхъ „граматокъ“ и другихъ учебныхъ малорусскихъ книжекъ, изданныхъ въ началѣ 60-хъ годовъ. Въ настоящее время вышла въ Кіевѣ малорусская книга для чтенія „*Чытанка*“, составленная педагогомъ, скрывшимъ свое имя подъ псевдонимомъ *Т. Хуторнаго*, которая даетъ возможность еще разъ провѣрить правильность украинофильскихъ воззрѣній и основательность ихъ притязаній на собственномъ ихъ произведеніи. Эта книжка тѣмъ болѣе поучи-

тельна и заслуживаетъ вниманія, что ее нельзя признать плодомъ невѣжества и бездарности. Напротивъ, авторъ ея, хотя копируетъ „Родное Слово“ Ушинскаго, но онъ не лишенъ ни знаній, ни извѣстнаго таланта и очевидно серьезно надъ ней поработалъ, хотя и сдѣлалъ нѣкоторые крупные, даже непростительные промахи. Объ этой то книжкѣ мы и побесѣдуемъ подробнѣе, чтобы показать, къ какимъ результатамъ неизбѣжно ведетъ ложная идея, какими выкидышами заканчиваются потуги литературнаго сепаратизма.

Въ прошлой статьѣ мы сказали, что изданная въ Кіевѣ малорусская учебная книжка для чтенія составлена старательно и не безъ искусства, хотя страдаетъ крупными недостатками. Наиболѣе удачна въ этой книгѣ внѣшность т. е. печать и рисунки, дѣлающіе честь типографіи г. Кульженка; что касается содержанія, то недостатки книги отчасти присущи

той педагогической системѣ, которой подражалъ авторъ, отчасти ему лично.

Авторъ задался цѣлью поддѣлаться подъ простонародный жанръ и наполнилъ книжку народными разсказами, сказками, прибаутками, загадками, пословицами, пѣснями; а такъ какъ многое изъ этого матеріала въ педагогическомъ отношеніи вовсе не годно или требуетъ передѣлки, то поддѣлка и „опростеніе“ привели съ одной стороны къ тривіальности, съ другой къ тому, что „Читанка“ даетъ мало поучительнаго матеріала.

Сколько мѣста въ книгѣ отведено пословицамъ, прибауткамъ и загадкамъ, видно изъ того, что напр. однихъ загадокъ имѣется 68. И пословицы, и даже загадки, выбранныя съ разборомъ, умѣстны въ книжкѣ для чтенія съ цѣлью оживленія серьезнаго матеріала, но конечно не въ такомъ количествѣ. Но авторъ какъ будто бы хочетъ обучать крестьянскихъ дѣтей пословицамъ и прибауткамъ, которыя они безъ того

знаютъ и ничего новаго потому изъ этого матеріала не вынесутъ, забывая народную же пословицу: „не учи орла летать, а рыбу плавать“,—хотя эта пословица и приведена въ „Читанкѣ“. Педагогическая сантиментальность, которою страдаютъ многіе наши педагоги и которая приводитъ къ тому, что книжки для чтенія наполняются безнужными сказочками и прибаутками, доведена въ „Читанкѣ“ до высшей степени. Для дѣтей средняго класса эти излишества менѣе вредны, потому что здѣсь образованіе не ограничивается грамотой, а знакомство съ народной сказкой, пословицей и т. д. расширяетъ кругозоръ ребенка, не живущаго въ народной средѣ; но въ народной школѣ, гдѣ каждая минута дорога и должна быть утилизирована, подобная система является не только излишней, но прямо вредной.

Еще менѣе удачны многіе разсказы. Хотя авторъ для чего-то означилъ, что они записаны въ „кіевщи-

нѣ“, „полтавщинѣ“ и т. д., тѣмъ не менѣе они поражаютъ своей безсмысленностью или тривіальностью. Помѣщеніе въ книжкѣ такихъ площадныхъ разсказовъ какъ „Голодный цыганъ“, „Теперъ мени не до соли“ и др. можно объяснить или отсутствіемъ литературнаго вкуса, или крайнимъ недостаткомъ пригоднаго матеріала. До чего доходитъ иногда тривіальность, безтактность и просто неприличіе автора видно изъ того, что въ „Читанкѣ“ попадаются литературные перлы, которые могутъ заткнуть за поясъ и красоты „Нашего друга“ барона Корфа, трактующаго о душѣ блохи и вши. Напримѣръ въ 16 урокѣ имѣются такія упражненія для письма: „Въ череді ходятъ... *Тічкою бігаютъ*... и т. д. Очень любопытно знать, что будетъ дѣлать учитель, если ученики потребуютъ по поводу „бігання тічкою“ физіологическихъ объясненій, на счетъ „брака животныхъ“, какъ теперь выражаются,

и въ частности собачьяго; а это весьма возможно, если книжка касается подобныхъ сюжетовъ. Ради одного такого упражненія книгу нельзя дать дѣтямъ въ руки.

Изъ этихъ замѣчаній видно, что „Читанка“ не выдается крупными достоинствами, но имѣетъ крупные недостатки, тѣмъ не менѣе составленіе и такой книжки изъ того ничтожнаго литературнаго матеріала, которымъ располагалъ авторъ, потребовало значительнаго труда и искусства, почему мы и относимся къ этому труду самымъ снисходительнымъ образомъ.

Но какихъ результатовъ можно ожидать отъ такого труда? Полезная ли это работа, или толченіе воды въ ступѣ, или наконецъ работа вредная?

Чтобы отвѣтить на эти вопросы, мы должны прежде всего замѣтить, что „Читанка“ вовсе не имѣетъ въ виду перехода отъ малорусскаго просторѣчія къ русскому лутературному языку. Отъ начала до конца она со-

ставлена на малорусскомъ нарѣчіи; исключеніе сдѣлано только для отрывковъ изъ Евангелія и молитвъ, помѣщенныхъ въ концѣ книги на славянскомъ и русскомъ языкѣ, но и это сдѣлано, очевидно, только потому, что переводъ Новаго Завѣта и молитвъ на малорусское нарѣчіе не былъ дозволенъ духовною цензурою, и авторъ книги долженъ былъ поневолѣ помѣстить русскій переводъ.

Затѣмъ во всей книгѣ мы находимъ только въ двухъ мѣстахъ „московску мову“ и при томъ въ столь характерномъ видѣ, что считаемъ нужнымъ привести эти мѣста цѣликомъ. На стр. 21 читаемъ такую бесѣду бабы съ „москалемъ“:

„Щобъ ты зозулі не чувъ!“ (каже баба)

„Мнье і одутъ закуетъ (одріка москаль).

На стр. 82—83 разсказывается, что мужикъ купилъ деготь и разлилъ его; по дорогѣ шелъ „купчикъ“ и по-

ровнявшись съ мужикомъ „давай лаятысь“:

—Ехъ, ты хахолъ! навонялъ здѣсь дегтемъ!

—„Еге, тобі вінъ воня“, озвавсь чоловікъ, бо ты грошей за его не платывъ, а я заплатывъ за его тры злотыхъ, то вінъ мені пахне“.

Перебранкой бабы съ „москалемъ“ и мужика съ купчикомъ ограничивается отношеніе „Читанки“ къ „москалю“. Больше нигдѣ ни одного слова.

Въ „Читанкѣ“ есть свѣдѣнія о чемъ угодно,—о животныхъ, рыбахъ, гадахъ, насѣкомыхъ, инструментахъ и проч., о силѣ пара, быстротѣ распространенія свѣта и проч., даже о томъ какъ „тічкою бігаютъ“, но ни одного слова о Россіи; даже слова этого нѣтъ, какъ нѣтъ и слова „русскій“. Оно, конечно, такъ и должно быть, по мнѣнію иныхъ педагоговъ, ибо, говорятъ эти мудрецы, нужно начинать обученіе дѣтей ознакомленіемъ ихъ съ ближайшими предметами, а ближайшіе предметы бу-

кашки, таракашки, навозъ и прочее, а отечество вещь весьма отдаленная! Но возвратимся къ основному интересующему насъ вопросу.

Изданіе учебной книжки на малорусскомъ нарѣчіи при существованіи гораздо лучшихъ русскихъ учебниковъ, можетъ быть мотивировано и дѣйствительно мотивируется тѣмъ, что русскій литературный языкъ будто бы совершенно не понятенъ малороссамъ. Насколько же такое увѣреніе оправдывается самой „Читанкой“?

Для рѣшенія этого вопроса воспользуемся матеріаломъ, который даетъ „Читанка“ и посмотримъ, дѣйствительно ли находящіеся въ ней слова и обороты настолько отличны отъ русскаго языка, что они понятны только малороссамъ и требуютъ перевода. Избирая такой пріемъ, мы, очевидно, даемъ украинофиламъ всѣ козыри въ руки, какіе только они могутъ имѣть, потому что предлагаемый ими матеріалъ можетъ быть подобранъ тенденціозно, въ немъ

можетъ быть помѣщено возможно больше словъ и оборотовъ отличающихся оригинальностью и которые безъ такого подбора могли бы быть замѣнены синонимами, одинаково понятными для великороссовъ и малороссовъ. Мало того, такъ какъ малорусское нарѣчіе есть только мѣстное просторѣчіе, притомъ имѣющее много говоровъ съ узкимъ территоріальнымъ райономъ (напр. волынскіе и уѣздные черниговскіе говоры), то естественно, что великороссу можетъ быть неизвѣстно гораздо больше мѣстныхъ выраженій, нежели малороссу выраженій русскаго языка, съ которымъ ему приходится встрѣчаться на каждомъ шагу, какъ съ языкомъ государственнымъ и интеллигенціи. Напр. великоросс можетъ не знать выраженій *млынъ, паляныця, скрыня* и т. д., но за то не найдется ни одного крестьянина-малоросса, который бы не зналъ синонимовъ этихъ словъ: *мельница, булка, сундукъ*..

Наконецъ, чтобы избѣжать всякаго упрека въ тенденціозности, мы беремъ слова и обороты подрядъ, начиная съ первой страницы „Читанки“ и даже удерживаемъ правописаніе составителей книги т. е. видоизмѣненную кулишовку.

На первыхъ семи страницахъ встрѣчаются слѣдующія существительныя: пісня (ѣ), котъ, коточокъ (е), дытынка (род. дытяты, множ. диты), куточокъ (е), мышка, *затышокъ* (затишье), хата, воркота (ворчанье) (е), дрімота (о), сонъ, вікно, плотъ, дідъ (ѣ), баба, тато, мама, братъ, сестра, сердце, пелюшки (пеленки), подушка, *ненька* (матушка), голова, ладки (ладошки) (ѣ), бабуся, кашка, закуска, хлібъ, капуста, сорока, ворона, *припечокъ*, *ополоныкъ* (а), бецманъ (?), крупы, дрова, печь (и), водычка, ложечка (и), рукавычка, полычка (полка), зайчыкъ (и), *млынъ* (упо-

требительно-мельница), міхъ (мѣшокъ), мука, *кравчыкъ*, пальчыкъ, *тікъ* (гумно), ніжки (ед. нога), горе, батько, Богъ, дорога, люде, сорочка, (сырота), божничка (божница), слеза, торба, горбъ, *паляныця* (употребительно булка), икона, стілъ (род. стола), лавка, пілъ (род. пола), пічь (род. печи), горшки, мыски, діжа (кадушка для тѣста), ніжъ (род. ножа), ложка, кочерга, колыска (колыбель), *скрыня* (употребительно сундукъ), кішка, *цвиркунъ* (сверчокъ), муха, па(в)укъ, решето, *каганецъ*, виникъ, комора, хлівъ, клуня, візъ (род. воза), санки, вівці (род. множ. овець), вілъ (род. вола), кінь (род. коня), кобыла, лоша (множ. лошата), теля (множ. телята), свыня, ка-

банъ, порося (множ. поросята), собака, гусы, (и) куры, *півень* (пѣтухъ), качка, утята, горобці (воробьи), ластівкы (ласточки), сіно (ѣ), солома, плугъ, рало, борона, заступъ, сокира (употр. топоръ), грабли, бочка, коромысло и т. д.

Какъ сказано выше, мы взяли всѣ слова подрядъ. Изъ болѣе чѣмъ сотни словъ можно набрать едва десятокъ вполнѣ оригинальныхъ, причемъ половина изъ нихъ имѣетъ общеупотребительные синонимы, заимствованные изъ русскаго языка (млынъ —мельница, скрыня—сундукъ и т. д.*. Всѣ остальныя, или тождественны съ русскими, или отличаются особенностями произношенія (звукъ *и* вмѣсто *ѣ* и *о*, *ы* вмѣсто *и*, глухая приставка или вставка *в* и др.), причемъ эти звуковыя отличія нерѣдко замѣчаются только въ именительномъ

* Какого то *бецмана* мы не считаемъ, потому что это слово не русское и не малорусское.

падежѣ единст. числа, а во всѣхъ остальныхъ падежахъ остается коренной звукъ (корень опредѣляется род. падежомъ), напр. *вилъ*, род. *вола*, множ. *волы*; *кинь*, род. коня, множ. кони и т. д.

На другихъ страницахъ „Читанки" вполнѣ своеобразныхъ словъ относительно, конечно, не больше, не смотря на то, что составитель книги не скупился замѣнять славянскія слова иностранными или давать мѣстныя названія, которыхъ навѣрно не знаетъ огромное большинство малороссовъ. Напр. *цвѣтъ*, *цвѣсти*, имѣетъ соотвѣтственное *цвитъ*, *цвисты*, но въ „*Читанкѣ*" вмѣсто этого фигурируетъ слово *колиръ* (color), перешедшее въ польскій языкъ, а оттуда и въ малорусское просторѣчіе нѣкоторыхъ мѣстностей. Въ названіяхъ бумажныхъ денегъ и монеты помѣщены такія слова: *пъятышныця*, *сороківка*, *коповыкъ*, *третякъ*, *семакъ*. Эти слова имѣютъ такое же значеніе какъ въ великорусскихъ говорахъ, какая нибудь „синица", „радужная" или

„катенька“. Они сегодня создаются, завтра забываются, здѣсь что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай.

Перейдемъ теперь къ глаголамъ и точно также приведемъ ихъ подрядъ съ нѣсколькихъ страницъ. На страницахъ 8—15 встрѣчаются слѣдующіе глаголы, которые мы приводимъ не прибѣгая уже къ кулишовкѣ: купить, держать, знать, загребать, родиться (ца), сгодиться, привыкать, лежать, стоять, ходить, водить, паскудить, крутиться, вертится, дѣться, бѣжать, лежать, похитаться, жить, взять, течь, *пышаться* (красоваться, ср. пышный), зеленѣть, выплывать, *розмовлять*, ловить, загубить, влѣзть, сказать, *мать* (имѣть), займать, топтать, сниться, робыть (дѣлать, работать), йісты (ѣсть), везти, сѣчь, повертать, угадать, вбить, гулять, умирать и т. д.

Какъ видятъ читатели здѣсь оригинальности еще меньше: на нѣсколько страницъ два три глагола своеобразныхъ, остальные тождественны съ

русскими, и различіе заключается лишь въ особенностяхъ спряженія, о которыхъ мы упомянемъ ниже, но которыя нисколько не затрудняютъ пониманія.

Существительныя и глаголы—основа языка, потому другихъ частей рѣчи мы не будемъ приводить, чтобы не утомлять читателей.

Итакъ, чтоже оказывается въ результатѣ? На страницѣ найдется два—три слова оригинальныхъ, всѣ же остальные тождественны съ русскими и отличаются только особенностями произношенія. Но такія особенности не затрудняютъ пониманія, и кто прочиталъ нѣсколько страницъ легко освоивается съ малорусской фонетикой, хотя бы онъ не зналъ раньше малорусскаго говору.

Если въ малорусскомъ нарѣчіи весьма немного словъ съ оригинальными корнями, то быть можетъ конструкція рѣчи отличается значи-

тельной своеобразностью? Не вдаваясь въ филологическія разсужденія, отвѣтимъ на этотъ вопросъ примѣрами. Вотъ народныя поговорки изъ „Читанки“: „Диткы плачуть, а въ матери сердце болыть. Колы дытыны не научышь въ пелюшкахъ, то не научишь и въ подушкахъ. (Урокъ 1). Хто маленькихъ дитей не мае, той горя не знае. Якъ братъ брату не поможе, то що вже чужи люды. (Урокъ 2-ой). Хату рукы держатъ. Кочерга до печи хозяйка, вона свое дило знае, жаръ загребае. Що у лиси родытця, то у двори сгодытця. Привыкай до хозяйства съ молоду, не будешъ знать на старисть голоду. (Урокъ 3-ый). Въ своимъ добри всякъ хозяинъ. Не купы хаты, та купы сосида“. (Урокъ 4-ый). Неужели ребенокъ, привыкшій къ такому говору, не пойметъ если ему сказать: „Дѣтки плачутъ, а у матери сердце болитъ. Какъ братъ брату не поможетъ, то что уже чужіе люди“ и т. д. Замѣтимъ при этомъ, что языкъ

пословицъ вообще отличается большею оригинальностью, сравнительно съ обыденной рѣчью.

Самое внимательное и безпристрастное изученіе „Читанки“ убѣждаетъ, что малорусская книжка для чтенія безусловно не нужна. Украинофильское произведеніе служитъ лучшимъ и нагляднымъ доказательствомъ несостоятельности и безцѣльности украинофильскихъ затѣй. Если угодно, это заслуга автора „Читанки“ г. Хуторнаго.

Но если „Читанка“ по той цѣли, которую она преслѣдуетъ совершенно безполезна, то въ другихъ отношеніяхъ она безусловно вредна. Дѣло въ томъ, что ребенокъ, который начнетъ учиться по этой книжкѣ, останется на всю жизнь или надолго безграмотнымъ.

Вслѣдствіе близости малорусскаго нарѣчія къ русскому языку южные уроженцы и безъ того затрудняются не относительно чтенія и пониманія русскихъ книгъ, но относительно орфографіи. Одни и тѣже слова отли-

чаются лишь незначительными особенностями произношенія, и понятно, что эти особенности сбиваютъ учащагося.

Для того, чтобы запомнить ихъ, необходимо сразу ребенка учить писать правильно, тогда это правильное письмо войдетъ у него въ привычку, такъ какъ весь механизмъ письма держится главнымъ образомъ на привычкѣ. Раціональная педагогія требуетъ не допускать ошибокъ, потому что исправлять ошибки и переучивать гораздо труднѣе, нежели сразу выучить правильно.

Что-же даетъ въ этомъ отношеніи „Читанка?“ Она даетъ уродливую кулишовку, подновленную въ послѣднее время какими то мудрецами, въ которой систематически и преднамѣренно извращено все русское правописаніе. Такъ буква *и* замѣнена *і*, а *и* совершенно изгнана; *ъ* также изгнана и замѣнена *ъе;* точно также выброшена буква *э*, а *е* произносится какъ *э; е* въ свою очередь замѣнено безсмысленнымъ *йе*.

Уже однѣ эти продѣлки надъ правописаніемъ осуждаютъ учащагося на вѣчную безграмотность; между тѣмъ онѣ сдѣланы съ исключительною цѣлью создать побольше искусственныхъ перегородокъ между литературнымъ языкомъ и малорусскимъ нарѣчіемъ. Говорятъ, что г. Кулишъ на вопросъ, для чего онъ придумалъ свою орфографію прямо отвѣчалъ: для того, чтобы „москаль“ не умѣлъ читать „по нашему“.

Если держаться даже фонетической орфографіи, то не все ли равно писать *лисъ* или *лісъ*, *хлибъ* или *хлібъ* и т. д. Между тѣмъ г. Кулишъ сначала изгналъ *ы*, хотя твердое *и* употребляется въ малорусскомъ нарѣчіи чаще, нежели въ русскомъ языкѣ, и замѣнилъ его *и*; а его послѣдователи видя, что изъ этого выходитъ безсмыслица и что сами украинофилы, не сильные въ малорусскомъ нарѣчіи, читаютъ нерѣдко *и* мягко,—опять ввели *ы*, но изгнали *и*! Само собою разу-

мѣется, что ребенокъ, выучившійся вездѣ ставить *і*, будетъ по привычкѣ писать безграмотно. Не менѣе характерны продѣлки надъ буквами *э* и *е*. Такъ какъ въ малорусскомъ нарѣчіи основной звукъ *е* твердое, то любители фонетическаго письма должны были бы вездѣ ставить *э*, или употреблять *е* для мягкихъ и твердыхъ звуковъ безразлично. Но *э* изгоняется, а *е* употребляется исключительно какъ *е* твердое. Цѣль этого извращенія очевидно та, что малороссъ обучившійся по „Читанкѣ“ будетъ ужаснымъ образомъ коверкать всякую русскую книгу. Такъ: слова *поле, къ нему, все, купецъ, идите, принесть* и т. д. онъ будетъ читать: *полэ, къ нэму, всэ, купэцъ, идитэ, принэсть* и т. д. Это коверканье, повторяемъ, неизбѣжно, потому что ребенка обучаютъ, что *е* имѣетъ исключительно твердое произношеніе, а для мягкаго *е* употребляется *йе*.

Въ такомъ же направленіи редижированы всѣ остальныя правила пра-

вописанія. Напр. *пятница, мясо, фунтъ* пишутся *пѣятныця, мѣясо, хунтъ.* Ученикъ, выучившійся такому правописанію, навсегда, конечно, и останется съ *пѣятныцей, мѣясомъ.* Орфографія многихъ словъ коверкается до безобразія, чтобы создать искусственныя различія. Напримѣръ слово *пчела* по малорусски произносится *пчола*, съ еле слышнымъ своеобразнымъ шипящимъ звукомъ *ж*; но чтобы оттѣнить это несущественное и неуловимое различіе составитель „Читанки“ употребляетъ варварскую арфографію—*бджола*, хотя даже одна изъ украинофильскихъ писательницъ подписывается *Олена Пчілка*, а не *Олена Бджілка*! Во что обратилось бы русское правописаніе, еслибы русскіе писатели вздумали изображать отличія московскаго, петербургскаго, тверскаго и др. говоровъ, или нѣмецкіе писатели продѣлали тоже самое съ нѣмецкими многочисленными говорами! Курьезнѣе всего, что украинофильскіе мудрецы сами постоянно

сбиваются и на одной страницѣ даютъ одну орфографію, а на другой—другую. Такъ въ „Читанкѣ“ на стр. 15, 16, 19 и др. читаемъ „*мъясыво*“ (sic), „мъясо“, а на той же стр. 19, 35 и др. нѣсколько разъ повторено „*мнясо*“, „*мнясоядни*“!

Если прибавить къ этому особенности спряженій, напр. окончаніе 3-го лица ед. числа на *ъ* вмѣсто *ъ*, окончаніе *ца* вмѣсто *ся* въ возвратныхъ глаголахъ и т. д., то понятно, что обученіе такой орфографіи представляется самымъ надежнымъ средствомъ сдѣлать учащагося навсегда безграмотнымъ. Родители, которые вздумали бы произвести опытъ обученія грамотѣ по „Читанкѣ“ могутъ быть напередъ увѣрены, что ихъ дѣти осуждены на безграмотность; а если они предназначаются для далнѣйшаго образованія, то въ школѣ будутъ получать по русскому языку единицы, если, конечно, не нападутъ на учителя

украинофила, который простить имъ украинофильскіе грѣхи.

Читатели, вѣроятно, согласятся, что не смотря на крупные промахи по содержанію книги, мы отнеслись къ „Читанкѣ“ самымъ снисходительнымъ образомъ и тѣмъ не менѣе окончательный нашъ выводъ тотъ, что эта книжка съ одной стороны безполезна, а съ другой—прямо вредна, такъ какъ обрекаетъ неизбѣжно учащихся на безграмотность. Таковы всегда бываютъ результаты фальшивой идеи, сколько бы ни было потрачено труда на ея осуществленіе.

Но изданіе „Читанки“ еще разъ напоминаетъ о необходимости составить удовлетворительную книжку для сельскихъ школъ. Какъ извѣстно, „Родное Слово“ К. Д. Ушинскаго, составленное чрезвычайно талантливо, не предназначалось для сельской школы. Конечно, едва-ли кто-либо другой лучше выполнилъ бы эту задачу, нежели малороссъ по происхожденію, уроженецъ

черниговской губерніи, получившій тамъ-же образованіе К. Д. Ушинскій; но онъ слишкомъ рано сошелъ въ могилу. Пора серьезно взяться за это дѣло, которое нынѣ значительно облегчено и обиліемъ изданныхъ учебниковъ, хотя не вполнѣ пригодныхъ, и опытомъ русской народной школы въ теченіе двухъ послѣднихъ десятилѣтій. Книжка должна быть написана литературнымъ русскимъ языкомъ, но въ ней необходимо избѣгать великорусскихъ провинціализмовъ и постепенно вводить слова малопонятные малороссамъ. Такая книжка, годная повсемѣстно, была бы въ особенности удобна для всей западной и южной Россіи, да могла бы принесть пользу и въ Галиціи. Что касается содержанія, то, стремясь пробудить интересъ къ чтенію въ дѣтяхъ, книжка должна въ тоже время избѣгать всего безнужнаго, безсодержательнаго; наконецъ, черезъ всю книгу долженъ быть строго проведенъ рели-

гіозный элементъ, какъ основа всякаго разумнаго воспитанія.

Думаемъ, что содѣйствовать этому предпріятію должно и кіевское общество грамотности, которое могло бы взять на себя иниціативу дѣла. Лучше всего было бы назначить конкурсъ, съ значительной преміей, напр. въ 1000—1500 руб., но за то предъявить къ конкурснымъ трудамъ высокія требованія. Назначеніе такой преміи, навѣрно, побудило бы талантливыхъ учителей попробовать свои силы.

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

Р2-60

Дозволено цензурою, Кіевъ 27 апрѣля 1883 года.